Имя в литературе

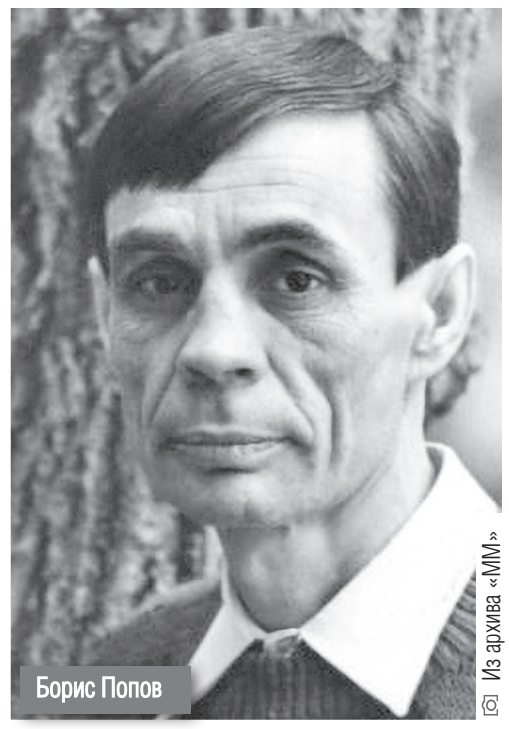
Тихий свет, последний свет

Близится 80-летие со дня рождения Бориса Попова (5.10.1946–20.01.1996)

Поэт, журналист, деятель культуры Борис Попов – одна из наиболее трагических фигур своего поколения, обречённого пережить эпоху перемен в том возрасте, когда уже не осталось юношеского оптимизма, но ещё далеко до мудрости долгожителей. Большинству из них и не суждено было стать долгожителями – уходили они рано, не научившись беречь себя и не нарастив брони циничного равнодушия, которая могла бы защитить. Борису Попову было отмерено 49 лет. Со дня его гибели миновало три десятилетия, но по-прежнему трогают сердце его стихи, к которым хочется возвращаться.

Поколение Попова было щедро на поэтов. Конец 1940-х – начало 1950-х в Магнитогорске ознаменовалось явлением на свет плеяды литераторов, которым предстояло взрослеть в годы послевоенной разрухи. Если для первостроителей приезд в Магнитку был романтикой, шагом в неизведанное, способом приобщиться к строительству нового мира, то для них молодой – а тогда совсем юный – город в степи был своим сразу же, по праву рождения. И относились они к нему как сыновья к не слишком ласковому, но любимому отцу, с которым можно ссориться, против авторитета которого можно бунтовать, но в горе и радости непременно будешь рядом и подставишь плечо.

Кровное родство с Магнитогорском остро чувствуется в поэзии Бориса Попова. Мальчишка, выросший на улице Белинского, «в переулках за кинотеатром», освоил несколько рабочих профессий – ему довелось поработать монтёром, термистом, электрослесарем на городском узле связи, метизном и калибровочном заводах, ММК и других предприятиях. Но всегда тянуло к себе творчество, потому и реализовался он на журналистском поприще – был литсотрудником газеты «Звезда» (16+) в Агаповке, сотрудником выездной редакции «Комсомольской правды» (16+). В последние годы жизни, 1991–1996, работал в редакции «Магнитогорского рабочего» (16+) журналистом, вёл литературную страницу и руководил литературным объединением.

Борис Попов

Из архива «ММ»

Талантливый самоучка, он стал тонким знатоком мировой культуры, а чутьё к слову, кажется, было дано ему свыше. По рекомендации Бориса Ручьёва учился в Литинституте имени М. Горького. Поэзию Бориса Попова высоко оценивали Евгений Рейн и Татьяна Бек, были публикации в солидных журналах, однако авторский сборник стихов ему удалось издать лишь в 45 лет.

Поэтические книги Бориса Попова «Светает в шесть…» (1992, 12+), «Под знаком Весов» (1993, 12+) и «На уровне разлуки» (1994, 12+) и сборник «Вторая половина четверга» (2008, 12+), изданный посмертно, есть в городских библиотеках. В 2021-м вдова поэта Светлана Гладкова опубликовала мемуары «Попытка прощания» (12+).

Вступление к книге «Вторая половина четверга» – 25-му выпуску серии «Литература Магнитки. Избранное», издававшейся в 2006–2008 годах под патронажем «Магнитогорского металла» (16+), – поэт, редактор Николай Якшин озаглавил «Вместо предисловия». Вместо – поскольку он цитирует собственные дневниковые заметки, написанные во время подготовки сборника.

«Сейчас, когда всерьёз «въехал» в его стихи, хочется называть его не Борей, как было принято у нас – равно, ровно и нередко вместе «причащавшихся», – даже не Борисом, а развёрнуто: Борисом Емельяновичем. Потому что стихи его – самые настоящие. Завидно богаты лингвистически, точны по наблюдению и живописны по описанию «объекта», тонко психологичны по части «социума». И где раньше были твои глаза и уши, Николай Васильевич, почему прежде-то не удосужился рассмотреть и расслышать, когда автор мог бы порадоваться такой вот реакции на его «вещи»?.. Главное же, если кратко, именно в том, что Борис Попов спустя и двенадцать (уже двенадцать?!) лет после своего ухода остаётся одной из самых впечатляющих величин в череде магнитогорских стихотворцев. Если попросту не первой».

А ещё Николай Васильевич приоткрывает завесу тайны над рабочим процессом редколлегии и приводит своё письмо Александру Ерофееву:

«В этом выпуске пусть будет 72 стр., хорошо? С огромным трудом сократил ещё 4 стиха, на большее – рука не подымается. Сократить ещё 8, до избранного нами стандарта, конечно, можно, но есть опасность выплеснуть с водой ребёнка. Не хотелось бы рисковать. Дело в том, что прижизненные сборники Б. Попова, названные в конце книжки, наверняка вскорости заблудятся и забудутся, а этот – особый, потому что он вмонтирован в тело всей антологии «ЛМИ». И значит, вместе с нею же придёт к читателю и через двадцать, и через тридцать, и через пятьдесят лет. В чём я убеждён, прости за намёк на каламбур, на все сто!»

С тех пор, как написаны эти строки, ушли в мир иной и Николай Якшин (1950–2011), и Александр Ерофеев (1960–2024). Так быстротечна и хрупка человеческая жизнь... Времена меняются, а поэты всё никак не научатся быть осторожными, гибкими и удобными. Не умеют гореть вполнакала. И остаются поэтами.

Елена Лещинская

Поэзия

Борис Попов

***

Мальчики из цехов,
девочки из лабораторий,
слушатели стихов
и заводных историй.

Битые мужики –
только мигни и свистни –
что ни одной строки
не прочитали в жизни.

Женщины без любви
и с вековой любовью –
вы у меня в крови,
выйдете только с кровью.

Что я один без вас?
Если слабо и с вами.
Вот и пришёл мой час,
а не могу словами...

Время летит стремглав.
Мокнет бельё в корыте.
Кто-то из нас не прав.
Думайте. Говорите.

Стансы

В этот город мгновенный,
с железным и жёстким лицом –
я вернусь непременно
и мужем уже, и отцом.
Где усталые трубы
свой пар выпускают, сойду
под полотнищем грубым,
твердящим, что «Слава и честь –
по труду!»
Только чайки над серой,
мазутною скользкой волной
дышат этою верой.
И чайки кричат надо мной.
Не ошибку эпохи,
не сшибку ума и души –
чую взгляды и вздохи
и вижу твои этажи!
Город, город родной,
расселившийся вкруг комбината, –
над больною волной
только плановых плавок раскаты.
Только дым кучевой,
только пыль вихревая повсюду.
Что мне делать с тобой?
Ну, не бить же, обидясь, посуду!
Где твои тормоза?
Отдохни хоть минуту, помедли!
...Но стекает слеза
по чугунной щеке и по медной.
Значит, время дождю.
Он придёт и, живительный,
хлынет.
Помолчу, подожду –
пока рана твоя не остынет.
Пока яростный свет
не пробьёт паутину заката –
и твой сын и поэт
не вздохнёт пред тобой виновато...

***

Уж не взлетят, не всхлипнут
соловьи
с твоей раскрытой розовой
ладони –
поскольку лишь отсутствие любви
присутствует сегодня
в нашем доме.

И только глупый ветер гулевой
на сдвоенные стёкла налипает.
И лампочки висят вниз головой,
как лампочкам висеть и подобает.

Как холодно сейчас сырой земле!
И холодно, и голодно, и наго.
И ты, душа, подумай о зиме,
а о разлуке, ангел мой, не надо.

И ты, душа, печалью озарив
неубранную, бренную халупу, –
не говори, прошу, не говори,
не говори, что всё смешно и глупо.

Прекрасна жизнь на вере и ветру.
Дождись, душа, любви
и звездопада.
Всё отпадёт, забудется к утру.
...а о разлуке, ангел мой, не надо.

Чердак

Окошко глухое, скрипучий диван
с обивкою серо-зелёной,
ночной, паутинный,
обманный туман,
чердачный покой пропылённый.
То ветер случайный,
то поздний гудок,
то молнии высверк летучий!
На север идут поезда, на восток
летят подневольные тучи.
Пропала, пропала пора серебра,
и золото вдруг испарилось!
Зачем же всю ночь –
досветла, до утра
вчера ты мне снилась и снилась?
Окошко глухое, овалы, углы,
прогнившие старые доски,
и кружево пыли, наплывы смолы
и острая сырость извёстки!
Прощай без свидания,
чёрный чердак,
гостиница снов золотая!
Зачем же ты слёзы глотаешь,
чудак?

...Зачем же я слёзы глотаю?

Разговор

Диких олив сероватые листья
Рядом с сиренью.
...Что беспокоит вас, практик
и мистик –
Пятна и тени?

– Нет, – отвечает один, – идеалы –
Нет идеалов.
– И одеял, – говорит другой
малый, –
И одеялов.

Я обыскался вчера в магазинах –
Нету и нету.
Нет лососины, трусов и резины –
Где же всё это?

– Нет идеалов и нравственность
тает –
Видно по лицам.
– И одеялов, – другой добавляет, –
Нечем укрыться!

Диких олив осыпаются листья.
Осень увяла.
А разговор этот длится и длится.
Нет идеалов.

***

Подари мне, осень, ещё чуток
Своей грусти росной, оставь глоток
Пузырящейся, лютой,
любой любви –
Чтобы вновь я почувствовал злость
в крови.
Чтобы вновь к твоему я пристыл
лицу,
Не заметив, что жизнь подошла
к концу.
И летят облака, налегая на
Покосившийся, хрустнувший
крест окна.
Это травы одни норовят тесней
Прислониться к земле, чтобы
выжить с ней.
А у нас с подругой наоборот –
И словечком не вжаться
в открытый рот.
И чугунный маятник бьёт по лбу –
Выбирает, мол, каждый
свою судьбу.
Выбирает, мол, каждый –
кому и как?
...Подари мне, осень, хотя б пустяк –
Словно барскую шубу,
рвани с плеча
Красный лист уральского карагача!

Катулл

Туфелек тоненький, точный стук –
«Хочешь», «не хочешь»,
«хочешь», «не хочешь» –
И обрываемой песни звук,
И раздираемый атлас ночи.

И приходящая тьма, и тьма,
Нас покидающая внезапно.
Только не надо сходить с ума –
Надо готовить питьё и завтрак.

Жизнь продолжается. Плот и плуг
Не срифмовать, как разруху
с мухой.
...Туфелек тоненький, точный стук –
«Хочешь», «не хочешь»...
ах, глупо, глухо...

Передавайте привет другим!
Мы не готовы ещё к поступкам.
Но соблазняется бедный гимн
Тоненьким, точным,
порочным стуком.

Падает ручка на стол. И стул
Сам поворачивается к востоку.
И оживает в гробу Катулл,
И, усмехаясь, глядит жестоко.

***

Оставляю на завтра
тетради и карандаши,
пьяный натиск азарта
и трезвые слёзы души.
Оставляю усталость,
постылую логику дня...
Слава богу, осталась
ночь в запасе ещё у меня!
Оставляю на завтра,
что вчера и сегодня не смог.
Охромевший внезапно
от любви и от ревности слог.
Суматоху, смятенье
и мокрый туман над рекой,
заоконные тени
и тени любви дорогой!
...Ах, оранжевый август,
в накрапах зари небосклон...
Перелётная благость –
короткий, спасительный сон.
Неминучею тучей
спешат к сентябрю журавли.
...Я в платочке, на случай
оставляю и горстку родимой земли.

***

Ночь проходит понемногу.
Никого со мною нет.
Только этот – слава Богу –
Тихий, сумеречный свет.

Только этот, только этот
Свет над крышкою стола.
Никого со мною нету,
А когда-то ты была.

А когда-то ты дышала,
Хохотала за плечом,
И смущала и мешала,
И болтала ни о чём.

И не то чтоб там кружилась
Голова в твоём дыму –
Просто пелось и служилось
Счастью, счастью одному.

Ведь и в дождь, и в зной, и в холод,
В сроки самых полных лун –
Был и я когда-то молод,
Был и я когда-то юн.

А теперь, помимо грусти,
Никого со мною нет.
Только свет из захолустья.
Тихий свет, последний свет.